

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Дневник Мата Хари (Глава 2)

Глава 2. ГРЕХОВНЫЕ СТРАСТИ Ужасно, когда тебя застают врасплох в самый неподходящий момент, и вдвойне ужасно, если свидетелем твоего позора стал такой человек, как дядя Герард.

Одни считали его воплощением набожности, другие — невыносимым лицемером, но все сходились на том, что он обладает особым умением невероятно усложнять са-мые простые вещи. Это именно дядя Герард много лет подряд настаивал, чтобы городской совет запретил жен-ские декольте и снабдил гипсовые статуи фиговыми лист-ками... Его строгие моральные взгляды вызывали среди горожан немало насмешек, но никто не решался вступать с ним в спор — того и гляди, прослывешь греховодником и смутьяном.

Он был отцом Вилема, хотя трудно себе представить, чтобы дядя хоть одну ночь провел в постели со своей женой. Она, бедняжка, жила в его доме на положении мо-нашки и рано умерла от тоски и одиночества...

Когда дядя без стука вошел в мою комнату, я так испу-галась, что забыла даже поправить юбку. Он не мигая долго рассматривал меня, обнаженную и беззащитную, а потом резко повернулся и, уходя, процедил сквозь зубы несколько слов. Это был приказ. Я должна прийти к нему после ужина.

Предстоящий разговор не сулил ничего хорошего. Я помнила, как дядя сверлил глазами мою наготу... Во вре-мя ужина кусок не лез в рот, и все решили, что я нездоров-ва. Меня отправили спать пораньше, но разве я могла ус-нуть?... Поздним вечером я вышла из своей комнаты и, крадучись, на цыпочках отправилась в другой конец до-ма. По пути я не раз останавливалась и забивалась в тем-ные углы, заслышав чьи-то шаги... Но больше всего стра-шила встреча с дядей. Простит ли он меня? Про себя я ре-шила: если дядя не согласится хранить в тайне все, что видел, — мне не жить. В городе много глубоких рек и ка-налов...

Робко постучала в дверь и услышала резкое: «Войди-те!» У меня отнялись ноги, но я собралась с силами и вошла. Дядя сидел в глубоком кресле вполоборота к две-ри, он мельком взглянул на меня и молча отвернулся. Я бросилась ему в ноги и, запинаясь, стала умолять его ни-кому не рассказывать о случившемся.

Он выслушал меня с каменным лицом, а затем загово-рил медленно и жестко, чеканя каждое слово:

— Ты должна понять, что я не могу потворствовать те-бе. Мой долг — предупредить твоих родителей. Пора от-крыть им глаза! Дьявол, да, дьявол порока завладел то-бой. Я боюсь за тебя, дитя! Если твою бедную душу не спасти сегодня, то завтра будет поздно. Твоя мать не пе-реживет позора...

Это было невыносимо! Я знала, насколько мой дядя безжалостен и упрям. Но он вспомнил о моей маме, и это заставило меня по-иному взглянуть на происходящее. Как я смела помышлять о самоубийстве! Разве этим что-то исправишь?... Такой удар мама не переживет.

— Дядя Герард, я сделаю все, что вы скажете, только не говорите ничего моим родителям. Умоляю вас!

— Нет, даже не проси, — оборвал он меня.

— Дядя, мой родной, вы мне как второй отец! Поверьте мне последний раз, я исправлюсь... Бейте меня, наказы-вайте, только не позорьте...

— Ты не осознаешь, дитя мое, насколько ты порочна. Если бы только знать, кто так испортил тебя!... Мне жалко твоих родителей. Очень жалко... Пусть будет по-твоему. Я пока ничего не буду говорить им и сам накажу тебя. Но предупреждаю: наказание будет суровым.

С этими словами дядя поднял меня с колен. Казалось, он сам не знал, с чего начать. Глаза его беспокойно бега-ли... Таким я его никогда не видела.

Он сел на стул и приказал мне поднять юбки. Минуту назад я была готова на все, но теперь не могла пошеве-лить рукой. Боже, какой стыд!... Кровь прихлынула к мо-им щекам, я вся сжалась от страха.

— Быстрее, Маргарета! Или ты передумала? — в голосе дяди прозвучали зловещие нотки. — Ну, что же, тогда пусть родители разбираются с тобой сами...

Эта угроза вывела меня из оцепенения:

— Нет, нет! Только не это. Я сейчас... одну минуту...

Дрожащими руками я стала поднимать юбки. К сча-стью, на мне были трусики. После всего, что случилось, я уже не решалась обходиться без них...

Но дядя был неумолим:

— Немедленно сними трусы! Я не потерплю никаких уловок. Ты так легко не отделаешься... О Боже, он требует от меня невозможного. Трусики — моя последняя защита. Они скрывают мои бедра, мои ягодицы и... мой срам! Как же я разденусь перед мужчи-ной?..

— Дядя, дорогой, не надо! Мне так стыдно... Прошу вас!

— Раньше надо было стыдиться, раньше! Хватит валять дурака. Снимай! Или мне помочь тебе?

Вся дрожа, я одной рукой придерживала собранное на груди платье, а другой пыталась стащить трусики. Моя робость доставляла дяде жгучее удовольствие. Он буквально пожирал меня глазами. Но я слишком долго возилась, и дядя потерял терпение:

— Так и быть, я помогу тебе. Подойди поближе! Я не двигалась, и он грубо схватил меня и положил себе на колени.

— Я сам раздену тебя! И запомни: будешь приходить сюда и завтра, и послезавтра. Каждый вечер в такое же время, пока не выбью из тебя похотливые желания...

Я почувствовала, как его тонкие холодные пальцы за-брались под резинку и стали бесстыдно ощупывать мои ягодицы, бедра, колени... Казалось, прошла целая веч-ность, прежде чем трусики упали на пол. Затем дядины пальцы заскользили в противоположном направлении...

Что такое? Неужели он ласкает меня... Как ни было стыдно и противно, но я приободрилась. Появилась на-дежда, что дядя пожалеет и отпустит меня... Как вдруг я ощутила острую боль. Это было так неожиданно, что крик застрял у меня в горле. За первым ударом последо-вал второй, третий... Его правая рука работала, как мо-лот.

Меня в детстве никогда не били, и эти жуткие истяза-ния были нестерпимы, но я понимала, что кричать нель-зя. Иначе я подниму на ноги весь дом... Я дергалась под ударами, пыталась соскользнуть на пол, но он снова и снова прижимал меня к своим коленям, продолжая экзе-куцию.

Я почувствовала, что мое судорожное подергивание, мои сдавленные стоны все больше и больше распалют его. Он бил неистово и вдохновенно... Всякий раз, когда я падала на его колени, что-то упругое вонзалось мне в жи-вот. Я была тогда ещё невинна и не понимала, что мои муки приносили ему сексуальное наслаждение.

Но вот он застонал, его колени задрожали, и удары прекратились. Я была почти в

бессознательном состоя-нии. Чувство стыда сменилось полной апатией. Сколько длились мои муки? Час, два?... Я потеряла счет времени.

— Это было твое первое очищение, надеюсь, оно при-несет результаты, — сказал дядя каким-то приглушенным голосом.

Я соскользнула с его колен. Ноги плохо слушались ме-ня. Я присела на ближайший стул — и тут же подпрыгну-ла, как будто в меня вонзились тысячи иголок.

Дядя как ни в чем не бывало потрепал меня по плечу:

— Может быть, действительно, немного больно. Я по-мажу больные места мазью. Ляг на кушетку — вот так, животом вниз, и подними платье... Давай, давай, нечего стыдиться своего дяди!

Он не спеша наносил прохладную мазь, и его руки вновь скользили по моим бедрам... Я покорно лежала, ут-кнувшись в мокрую от слез подушку, но внутри все про-тестовало. Мне казалось, что меня не только наказали, но и изнасиловали.

По вечерам я должна была стучаться в дверь дяди, что-бы получить очередное очищение от грехов. Я больше не обращала внимания на унижения, единственное, что меня беспокоило, — я разучилась сидеть. Это стало для меня слишком дорогим удовольствием. Все тело болело и ны-ло...

Процедура повторялась без изменения. Я должна была встать перед дядей, поднять платье и спустить трусики. Дядя сам снимал их с моих ног, когда я уже лежала у него на коленях.

Вскоре начались расспросы. Он хотел знать, что я делала весь день, не согрешила ли снова. Я замети-ла, что он слушает мои ответы с большим интересом и на время прекращает порку. Я старалась удлинить эти паузы и подробно рассказывала о своих поступках.

— Ты снова ходила полуодетой? — спросил он после второго удара.

— Да, я сняла... нижнее белье и ходила так весь день в школе и на улице, — ответила я.

— И... гм... и никто не заметил? Мне показалось, что третий удар не был таким силь-ным.

— О... нет... хотя Вилем... — Я споткнулась на этом имени и поняла, что мне не следовало этого говорить.

— Что ты сказала, Маргарет, при чем здесь Вилем, ка-кое отношение он имеет к твоему... э-э... нижнему белью?

Я не заметила ловушки и продолжала откровенничать.

— Мы играли в прятки, и в одном месте, где мы прятя-лись, Вилем...

Я остановилась. Не говорю ли что-нибудь лишнее? Но дядя был настроен вполне дружески:

— Скажи мне, что же произошло, моя маленькая де-вочка. Если ты будешь правдивой со своим дядей, я шлепну тебя только семь раз...

Это соблазнительное предложение было сделано между четвертым и пятым ударами.

Неудивительно, что я попа-лась на приманку.

— В большом шкафу, где мы прятались, было очень мало места и Вилем коснулся меня вот здесь, под юбкой, между ногами, — я говорила робко, потому что, с одной стороны, мне было ужасно стыдно, а с другой — я не бы-ла уверена, можно ли доверять дяде.

— Продолжай, продолжай.

Его голос стал прерывистым и хриплым. Это должно было меня насторожить, но я была рада, что дядя прекра-тил порку и, словно забывшись, нежно поглаживал мои бедра.

— И потом он засунул руку... ну, вы знаете куда... уви-дели, как я делала это с собой... и его палец... похоть. И вдруг — он все время смотрел на мой окровав-ленный зад — по всему его

худому телу прокатились кон-вульсивные содрогания, и потом я увидела, на этот раз с «
чувством тошноты, как по его тонким, костлявым паль-цам потекла белесая жидкость